

Прозорливые старцы

Хотят ли духовные чада взрослеть?

Воспетое Достоевским в образе Зосимы из «Братьев Карамазовых» и во многом благодаря тому ставшее всемирно известным, русское *старчество* действительно явилось особым вкладом России в христианскую духовность. Великие *старцы*, конечно, были и на православном Востоке; но именно в России к ним, в поисках духовного окормления и совета, разрешения самых разнообразных вопросов, утешения и ободрения на жизненном пути, во множестве приходили не только и даже не столько собратья по монашескому подвигу, сколько миряне и мирянки всех сословий. И если первоначально старческое руководство предполагало особые взаимоотношения начинающего монаха или послушника с усовершенствовавшимся в подвижничестве собратом, то теперь границы его приложения чрезвычайно расширились. В *старце* видели прежде всего хриstopодобного человека, знающего волю Божию и способного открыть ее другим. Поэтому у знаменитых на всю Россию Оптиных преподобных Леонида, Макария и Амвросия, как и у других русских старцев, спрашивали совета отнюдь не только об отсечении страстей и борьбе с греховными помыслами, но и о вступлении в брак, об успешном ведении торговли, о правильном устройстве других, казалось бы, вполне мирских дел (1).

Будучи в каждом из своих замечательных представителей всякий раз особенным, по существу уникальным харизматическим явлением, старчество все же сосредотачивалось преимущественно в наиболее благоустроенных в духовном отношении монашеских обителях, какою была, например, образцовая в этом плане Оптина пустынь. Испытанная добротность и преимущество монашеской традиции служила своего рода гарантией от возможной фальсификации старческого руководства. Впрочем, широкая и очевидная востребованность образа старца-духовника среди русских верующих неминуемо приводила к вероятности появления имитаций подлинного старчества, движимого сострадательной любовью к народу. Небескорыстные подделки под харизматическую одаренность со стороны мнимых «старцев» существовали давно, если не всегда: преподобный Симеон Новый Богослов почти тысячу лет назад посвятил немало страниц едкому описанию подобного явления, бытовавшего и в тогдашней Византии.

Особую опасность, по мнению некоторых, представляло собой так называемое «старчество в миру», не поддающееся ни контролю церковной иерархии, ни соборному суждению опытных в подвижничестве собратьев. Вот, например, высказанное по этому поводу в 1917 году, вскоре после революции, мнение профессора Киевской духовной академии Василия Экземплярского — быть может, чрезмерно категоричное, но, во всяком случае, не лишённое оснований:

Старцы в миру, думаю, без исключения все, — это опасные для Церкви авантюристы, которые, конечно, могут эксплуатировать народную темноту и интеллигентскую

нервную издерганность, но которые перед судом церковной совести всегда являются самозванцами и заслуживают, безусловно, церковного осуждения (2).

Однако вскоре практически все старцы так или иначе оказались *в миру* в результате постепенного закрытия всех монастырей. Кроме того, очевидно, что по крайней мере отдельные элементы старческого руководства жизнью мирян присутствовали в служении таких духовников из числа белого священства, как известные своей праведной жизнью протоиереи Валентин Амфитеатров и Алексей Мечев, не говоря уж о св. Иоанне Кронштадтском.

Во времена гонений собранные вокруг своих духовников общины духовных чад стали одной из главных опор Церкви. Именно в таких общинках, существовавших нередко в условиях строгой конспирации, сосредотачивались все те стороны церковной жизни, которые не могли осуществляться в подконтрольных советской власти приходах: учительство, благотворительность, общение. Авторитет духовного отца (нередко увенчанного подвигом тюремного исповедничества) в кругу его последователей и последовательниц был чрезвычайно высок. В его лице, в отличие от стесненных в своей деятельности иерархов, нередко вынужденных идти на те или иные компромиссы с безбожной властью, духовные чада видели носителя подлинного, неповрежденного православия. Послушание духовнику представлялось главным условием спасения.

Были среди подобных общин и такие, которые вообще перестали принимать всерьез авторитет существующего священноначалия. После известной Декларации 1927 года о лояльности советской власти, многие известные духовники оказались в числе *непоминающих*, то есть прервали свое молитвенное и каноническое общение с митрополитом Сергием и подчиненными ему епископами. Так, отошла от церковного единства практически вся братия московского Свято-Данилова монастыря. Протоиерей Алексей Беляев, проживавший на покое в Пюхтицкой обители, лет двадцать назад рассказывал автору этих строк, как по возвращении из ссылки в 1933 году он, еще молодой мирянин, осмелился спросить у своего духовника, даниловского архимандрита Поликарпа: «А как вы считаете, батюшка, в храмах, где возносится за молитвой имя митрополита Сергия, таинство евхаристии все же совершается?» Прежде неизменно ровный в обращении, старец от душевного напряжения порвал свои четки и ответил: «Думаем, что нет». Алексей Беляев после этого ответа навсегда покинул своего духовника. Но в большинстве случаев паства следовала за пастырем.

Уклонения в раскол были не единственным проявлением болезненной ущербности духовной жизни в некоторых общинах, руководимых «старцами». Многие миряне не избежали соблазна слепого поклонения далеко не всегда бесстрастному и достаточно опытному духовнику, который представлялся им исключительным воплощением всех благодатных дарований. А ведь еще в IV веке преподобный Антоний Великий учил, что опытность наставника надобно распознавать из того, согласно ли его слово со словом Божиим. Преподобный Иоанн Кассиан в столь же давние времена предостерегал: «Многие

из старцев вместо пользы — вред, вместо утешения — отчаяние причиняют вопрошающим».

Опасность многократно умножилась, когда, с прекращением эпохи гонений, на путь мнимого «старчества» стали один за другим выступать и вовсе неопытные молодые священники. Как свидетельствовал в 1987 году митрополит Антоний Сурожский,

подчас молодые люди, выходящие из богословских школ, воображают, будто рукоположение наделило их и умом, и опытностью, и «различением духов», и делают тем, что в аскетической литературе называли «младостарцами»; то есть, не обладая еще духовной зрелостью, не обладая еще даже тем знанием, которое дает просто личный опыт, они думают, что их научили всему, что может им помочь взять кающегося грешника за руку и повести от земли на небо. [...] Молодой священник [...] начинает руководить своими духовными детьми «указами»: этого ты не делай; это ты делай; такую-то литературу не читай; в церковь ходи; отбивай поклоны... И в результате получается некая карикатура духовной жизни у его жертв, которые делают все, что, может быть, и делали подвижники, — но те-то делали это из духовного опыта, а не потому что они дрессированные животные. А для духовника — катастрофа [...]. Старцем можно быть только по благодати Божией, это харизматическое явление, это дар; и научиться быть старцем нельзя, так же как нельзя выбрать своим путем гениальность (3).

Хорошо помню, какое глубокое впечатление произвел этот доклад владыки Антония на участников московской конференции, посвященной 1000-летию Крещения Руси. Слушатели буквально замерли. Среди множества более или менее интересных, но чисто академических сообщений, далеких от реальных проблем Церкви, вдруг прозвучало живое и предельно честное слово о давно наболевшем, но почему-то не называемом вслух. Протопресвитер Виталий Боровой с присущей ему горячностью предложил тогда просить наше священноначалие незамедлительно издать доклад в виде брошюры и выдать *под расписку* всем священникам, которым доверено исповедовать мирян...

Увы, за прошедшие с тех пор 12 лет болезненные явления самозваного лжестарчества отнюдь не пошли на убыль. В течение десятилетия количество приходов Русской Православной Церкви более чем удвоилось (было восемь тысяч — стало девятнадцать); открылись почти 400 новых монастырей. По необходимости пришлось за короткое время рукоположить в сан священника около десяти тысяч ставленников, порой не получивших никакого систематического богословского образования, не «наживших» еще сколь-нибудь достаточного духовного опыта. И вот, внезапно оказавшись обладателями *ключей Царства Небесного и власти вязать и решить* (4), некоторые из них немедленно возжаждали учить, а не учиться; повелевать, а не служить; требовать послушания, а не вслушиваться.

Не окончив даже заочной семинарии, не выучив хорошенько и катехизиса, такие батюшки с необычайной смелостью принялись наклеивать ярлыки еретиков, модернистов и отступников едва ли не на всех современных православных богословов. Облюбовав

мрачный лозунг «Православие или смерть!» и быстро убедившись, что на привычном в России недоверии к начальству всего успешней можно заработать популярность, взялись обвинять в преступном сговоре с масонами и «экуменистами» каждого второго (если не просто каждого) епископа, включая рукоположивших их самих епархиальных архиереев. Весьма ходовой стала проповедь скорого конца света и явления антихриста, объявляющая бессмыслицей всякую общественную деятельность. Другие отцы, напротив, принялись активно навязывать «духовным детям» собственные политические предпочтения. Так, например, один из московских протоиереев во время прошлых парламентских выборов неоднократно с амвона призывал своих духовных чад голосовать непременно за коммунистов — лишь они-де спасут наш народ от растления мутной волной западной порнографии. При этом батюшку нисколько не смущало, что он явно действует вразрез со своим священноначалием, призывающим духовенство не участвовать в политической борьбе.

Гипертрофию послушания, совершенно затмевающего все прочие христианские добродетели, иные духовные руководители довели до абсурдных размеров. Без «благословения» у батюшки ни шагу ступить, ни слова сказать. Причем только у «своего» батюшки: он-то истинный, он православный, а остальные — как знать, как знать... Мало ли в наше антихристово время тайных предателей.

Испуг перед происходящими в обществе бурными изменениями, резко возросшая социальная незащищенность большинства верующих создают питательную среду для развития эскапистских настроений, для роста духовного изоляционизма. В таких условиях все большим спросом у «духовных чад», упорно не желающих взрослеть, стала пользоваться крайне авторитарная модель духовного руководства, освобождающая от необходимости делать трудный выбор, а вместе с тем — и от всякой ответственности за свои поступки. Жениться или не жениться, и если жениться, то на ком; устраиваться на работу или увольняться с нее; учиться или не учиться (как правило, не учиться: для спасения это в лучшем случае лишнее) — все эти вопросы готов решать батюшка. Не согласиться с его решением — тягчайший грех, чуть ли не *хула на Духа Святого, которая не простится ни в сем веке, ни в будущем* (5).

Исповедь — дело глубоко личное и скрытое от постороннего уха; в этой сфере священноначалию труднее всего осуществлять сколько-то эффективный контроль за пастырской деятельностью священников. Да, признаться, отнюдь не всякий из епископов и пытался ставить перед собой такую задачу. Порою лишь случайно приходские священники узнают от своих прихожан, побывавших в монастырском паломничестве, о наложенных там на них крайне суровых эпитимиях (тысячи земных поклонов, сотни канонов и акафистов), выполнить которые не всякому монаху под силу, не то, что мирскому человеку, обремененному служебными и семейными обязанностями. Иные монастырские «старцы» (нередко весьма юного возраста) оказались любителями во всех подробностях выпытывать у замужних женщин детали их интимных взаимоотношений с супругами; с ужасом бедные жертвы узнавали, что все это — грех, грех и грех, после чего еще получали свою порцию жесточайших эпитимий. Хуже всего приходится тем, кто еще в советские времена вступил в

брак без церковного венчания: теперь попробуй затащи под венец неверующего супруга, а без этого жить с ним нельзя: батюшка не велит.

Конечно, священников здравомыслящих, скромных и достаточно критически относящихся к собственной персоне в Русской Церкви куда больше, чем подобных самоуверенных и немилосердных пастырей. Однако сколько зла может принести каждый из последних, сколько исковерканных судеб оставить за собою!

Поэтому я убежден, что большинство наших священнослужителей с удовлетворением и сочувствием восприняло ту резкую критику извращений духовнической практики, с которой на ежегодном епархиальном собрании города Москвы 23 декабря минувшего года выступил Святейший Патриарх Алексий II. Пожалуй, впервые за многие десятилетия на деликатные вопросы исповеди и духовного руководства было публично обращено столь пристальное внимание на самом высоком иерархическом уровне.

Указав на угрозу разрушения церковного единства, которая исходит от нынешних мнимых «старцев», Патриарх, в частности, сказал о последних:

Как правило, неизменным и единственным условием спасения они объявляют полнейшее подчинение себе тех, кто прибегает к их руководству, превращая их в неких роботов, не могущих без благословения такого «старца» совершить любое дело, каким бы незначительным оно не было. Человек, таким образом, лишается той благодатной свободы воли, которая ему дарована Богом. [...] Подлинный старец, прежде всего благодаря высокой духовности, бережно относится к каждому конкретному человеку. В силу своей опытности и благодатного дара он раскрывает образ Божий в человеке теми средствами, которые созвучны его духовному устройению и возрасту. Отдельные же современные «старцы» (а вернее их будет называть «младостарцами»), не обладая духовным рассуждением, налагают на воцерковляющихся неудобноносимые бремена (Лк. 11,46), применяют в своей пастырской деятельности штампы, губительные для духовной жизни, необоснованно применяют к мирянам, по большей части духовно еще не окрепшим, формы духовного руководства, уместные только в монашестве. [...]

Нездоровая зависимость новообращенных от личности младостарца порождает искаженные формы приходской жизни. Люди идут в церковь, чтобы встретиться со «своим батюшкой», а не со Христом, чтобы поговорить со знакомыми, а не для молитвенного общения с полнотой Церкви. Характерная для воцерковляющихся ущербность церковного сознания, в котором не находится места понятию о соборности и вселенскости Церкви, поддерживается такими пастырями, внушающими своим чадам, что спасение возможно лишь в пределах их общины, и для утверждения в этом осуждающими других священнослужителей, тем самым отталкивая людей от них. Это ведет к самоизоляции подобных общин от других приходов, от епископа и, в конечном счете, от Церкви.

Самоизоляция часто имеет следствием недопустимую политизацию таких общин, когда «левая» или «правая» политическая ориентация объявляется единственно соответствующей православному миропониманию.[...]

Люди, нашедшие «дорогу в Церковь», отворачиваются от нее, несмотря на воссоздание внешнего благолепия храмов и их материального благополучия. И в этом, к сожалению, вина не их, а подобных «старцев»-лжепастырей (6).

Алексий II далее напомнил, что к таинству покаяния изначально прибегали в тех случаях, когда человек совершал смертный грех, отлучающий от Церкви, поэтому не надо смешивать его с исповеданием помыслов, которое исторически сложилось как особая монашеская практика. Причем откровение помыслов принимал старец, не обязательно имеющий священный сан, но непременно — наделенный богатым духовным опытом. Предостерегая от формального, законнического отношения к исповеди, Патриарх Алексий предложил:

Следует объяснить верующему, что исповедь — не отчет перед Богом, а тем более перед духовником о совершенных грехах [...]. Главное на исповеди — не слова, а осознание своей греховности, отпадения от Бога через грех, желание вернуться к Нему и не повторять ошибок прошлого (7).

Особенно резко Патриарх осудил распространение некоторыми монашествующими духовниками неправославного взгляда на семейную жизнь,

при котором смысл брака усматривается исключительно в рождении детей. Такой взгляд совершенно не согласуется со святоотеческим пониманием Таинства Брака как школы возрастания в христианской любви, как таинственного единения духа, души и тела супругов. Такое младостарческое толкование брака сужает полноту духовной жизни, возможную в христианской семье, сводит ее до проявления одного человеческого естества. Оно мешает созиданию домашних церквей, в чем, по мысли одного современного апологета (8), для Русской Церкви и заключается ее будущее (9).

Строго говоря, ежегодное выступление Патриарха на епархиальном собрании не имеет характера церковной энциклики, это скорее отеческая беседа правящего архиерея города Москвы с непосредственно подчиненными ему клириками, значительная часть которых им же и рукоположена в священный сан. Однако фактическое значение этого обращения, понятно, оказывается намного более широким. А на сей раз и Священный Синод, заседание которого состоялось менее чем через неделю после выступления Патриарха, счел необходимым специально предложить епископам и священникам Русской Православной Церкви «руководствоваться в разрешении вопросов, возникающих в пастырской практике, рекомендациями, содержащимися в докладе Его Святейшества» (10). Мало того, признав особую важность вопроса о духовничестве, члены Синода сочли необходимым подкрепить советы Патриарха особым синодальным определением. Приведем наиболее важные фрагменты этого документа (11).

Во многом переключаясь с выступлением Патриарха, приложенная к определению справка констатирует:

Некоторые священнослужители, получившие от Бога в Таинстве Священства право на духовное руководство паствой, считают, что такое право означает безраздельную власть над душами людей. Не памятуя о том, что отношения между духовником и духовными чадами должны строиться на основе взаимного уважения и доверия, таковые пастыри переносят сугубо монашеское понятие беспрекословного подчинения послушника старцу на взаимоотношения между мирянином и его духовным отцом, вторгаются во внутренние вопросы личной и семейной жизни прихожан, подчиняют себе пасомых, забывая о богоданной свободе, к которой призваны все христиане (Гал. 5. 13). Подобные недопустимые методы духовного руководства в некоторых случаях оборачиваются трагедией для пасомого, который свое несогласие с духовником переносит на Церковь. Такие люди покидают Православную Церковь и нередко становятся легкой добычей сектантов. [...]

Участились случаи создания теми или иными пастырями таких церковных общин, в которых жизнь строится на авторитете самого пастыря, подкрепляемом негативным отношением к церковному Священноначалию, а также к другим пастырям и приходским общинам. Таковые пастыри забыли о том, что их задача — вести людей к Богу, а не группировать прихожан вокруг самих себя. В подобного рода приходах создается атмосфера собственной исключительности, несовместимая с духом соборности, на которой зиждется Православная Церковь.

В связи с этим Священный Синод постановил:

Напомнить всем пастырям-духовникам о том, что они призваны помогать своим пасомым советом и любовью, не нарушая при этом богоданную свободу каждого христианина. Подчеркнуть, что беспрекословное послушание, на котором основывается отношение послушника к старцу в монастырях, не может в полной мере применяться в приходской практике во взаимоотношениях между священником и его паствой. Особо указать на недопустимость для пастырей вмешиваться в вопросы, связанные с выбором жениха или невесты кем-либо из их пасомых, за исключением случаев, когда пасомые просят конкретного совета. [...]

Подчеркнуть недопустимость негативного или высокомерного отношения к браку [...]. Настаивая на необходимости церковного брака, напомнить пастырям о том, что Православная Церковь с уважением относится к гражданскому браку, а также к такому браку, в котором лишь одна из сторон принадлежит к православно́й вере, в соответствии со словами святого апостола Павла: Неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим (1 Кор. 7. 14). [...]

Напомнить пастырям о необходимости соблюдения особого целомудрия и особой пастырской осторожности при обсуждении с пасомыми вопросов, связанных с теми или иными аспектами их семейной жизни.

Особо указать на недопустимость для пастырей создания вокруг себя таких общин, в которых имеет место оппозиционное и критическое отношение как к высшему церковному руководству, так и к другим пастырям и приходским общинам.

Подчеркнуть недопустимость использования церковного амвона для проповеди тех или иных политических взглядов.

Призвать епархиальных Преосвященных обратить особое внимание на то, как пастырями вверенных им епархий осуществляется духовное окормление паствы. Усилить надзор за строгим соблюдением пастырями установлений и норм Православной Церкви, касающихся различных аспектов духовнической практики.

Призвать верующих Православной Церкви обращаться к своему правящему архиерею всех случаях, когда пастырь-духовник превысил данную ему Богом власть «вязать и решить». Напомнить православной пастве о том, что советы духовника не должны противоречить Священному Писанию, Священному Преданию, учению Святых Отцов и каноническим установлениям Православной Церкви: в случае же расхождения таковых советов с указанными установлениями предпочтение должно отдаваться последним.

Хочется надеяться, что увещания Первосвятителя и Священного Синода будут услышаны и действительно приняты к исполнению в каждом из наших приходов и монастырей. В декабрьских документах церковного руководства четко и своевременно расставлены самые важные акценты: хранение единства Церкви, признание высокой ценности духовной свободы, глубокое уважение достоинства христианской семьи и брачных отношений.

Однако надо ли считать, что теперь в нашей Церкви раз и навсегда решены все проблемы, относящиеся к исповеди и — шире — к стилю духовного руководства? Полагаю, нам предстоит еще немало серьезных раздумий о причинах кризиса в этой области церковной жизни. В процессе такого осмысления, конечно, будут высказываться разные, порой противоречивые суждения. Отнюдь не претендуя на обладание готовыми ответами и выражая только свое личное мнение, я хотел бы все же «подумать вслух» над некоторыми вопросами, которые касаются духовничества в современной России.

Прежде всего: если уж отделять таинство возвращения в Церковь кающегося грешника (12) от монашеского откровения помыслов и духовной беседы — о чем так хорошо и убедительно сказал на московском собрании Святейший Патриарх — то не следует ли нам подумать о возможном пересмотре сложившейся в Русской Православной Церкви практики, требующей от всякого мирянина неременной исповеди перед каждым причащением? Опыт других Православных Поместных Церквей, а также русской епархии в Великобритании показывает, что если исповедь представляет собою действительно особое

тайнство, а не просто обязательное приложение к участию в Евхаристии, она, как правило, становится намного более зрелой и осмысленной. Конечно, пойти на такое решение вопроса довольно трудно теперь, когда в наших храмах так много людей, не получивших и начатков церковного воспитания. Однако думаю, что уже сейчас можно было бы допустить свободное причащение постоянных прихожан, регулярно участвующих в литургии — при условии, что у них нет на совести тяжких грехов и они по мере своей душевной потребности, но все же достаточно часто приступают к исповеди. В таком случае у священников освободилось бы немало времени для духовной помощи новообращенным и для выслушивания исповеди тех, кто в этом действительно нуждается. С другой стороны, миряне, которые просто хотят причаститься, больше не оказывались бы «заложниками» порою не слишком скромных и недостаточно мудрых иереев.

Далее: почему все же столь благодарный прием со стороны так называемых пасомых встречает стремление некоторых пастырей *«господствовать над наследием Божиим»*? (13) Ведь не на аркане они тянут народ к себе на исповедь — сами едут, порой издалека, и, кажется, охотно готовы расстаться с той самой богоданной свободой, к которой призваны все христиане... А не провоцирует ли определенные недоразумения относительно сути духовничества сама по себе пастушеская терминология, столь широко и настойчиво, но, может быть, не всегда уместно, с учетом современных условий, применяемая нами? Она, конечно, библейская и святоотеческая по своим корням; боюсь, однако, что в сознании сегодняшнего урбанизированного человека она вызывает ассоциации не столько с библейскими и святоотеческими образами нежной заботы, доходящей до самоотвержения, сколько с пушкинскими строчками:

К чему стадам дары свободы?

Их должно резать или стричь.

Наследство их из рода в роды

Ярмо с гремящими да бич (14).

У обсуждаемой нами проблемы духовного руководства есть и еще одно важное измерение — политическое. Неужели те катастрофы, которые наш народ и наша Церковь пережили на протяжении кровавого XX века, недостаточны, чтобы осознать, насколько важно православным священникам в России решительно отказаться от культивирования вечного инфантилизма и тяготения к «сильной руке» в своих «духовных чадах»? Нам необходимо научиться воспитывать в верующих не готовность к бездумному повиновению, но прежде всего чувство ответственности за принимаемые решения. Иначе — не миновать нам новых потрясений.

Итак, я полагаю, что пожизненным чадам, всегда учащимся и никогда не могущим дойти до познания истины (15), пора бы поскорее становиться взрослыми. А батюшкам — более смиренно оценивать свое место в Церкви и учиться жить в дружеском согласии с

выросшими детьми. Иначе наши миряне — за радостными, но, увы, скорее редкими исключениями — никогда не станут настоящими помощниками своих священников и не начнут сознавать, что Церковь — это и все они.

Примечания:

1 См., например: Протоиерей Александр Соловьев. Старчество по учению святых отцев и аскетов. Семипалатинск, 1900 (репринт: М., 1995); Митрополит Трифон (Туркестанов). Древнехристианские и оптинские старцы. М., 1996.

2 Дар ученичества. Сборник. Составитель П.Г.Проценко. М., 1993. С.226. Оценивая приведенное суждение, надо иметь в виду, что Экземплярский весьма высоко ставил старчество как таковое и вообще был человеком, глубоко преданным Церкви, несмотря на значительные трения с церковным начальством, приведшие к отстранению его от академической кафедры (он был восстановлен на ней лишь после революции, когда самой Академии был уже отмерен очень краткий срок).

3 Митрополит Антоний Сурожский. О встрече. СПб., 1994. С.244.

4 Мф. 16. 19.

5 Мф. 12. 31-32.

6 Журнал Московской Патриархии. 1999. № 2. С.17-19.

7 Там же. С.21.

8 Патриарх имел в виду покойного протоиерея Глеба Каледу, профессора геологии, отца большого, очень дружного православного семейства и автора книги Домашняя церковь (Москва, 1997).

9 Там же. С.18.

10 Журнал Московской Патриархии. 1999. № 1. С.15.

11 Полный текст см.: Там же. С.18-21. Кроме того, синодальное определение было опубликовано в Информационном бюллетене ОВЦС Московского Патриархата (1999, № 1) и перепечатано в ряде епархиальных церковных изданий.

12 Напомню слова священника в разрешительной молитве, читаемой над кающимся в конце православного чина исповеди: «Примири и соедини его святей Твоей Церкви о Христе Иисусе, Господе нашем».

13 Ср. 1 Пет. 5. 3.

14 «Свободы сеятель пустынный...» (1823).

15 2 Тим. 3. 7.

<http://www.duhovnik.ru/main/heronda?id=189>